

ФРЭНСИС ВЕЛЛМАН
БРАЙЕН ЛЕЙН

ИСКУССТВО ДОПРОСА

КАК ДОБИТЬСЯ
ПРИЗНАНИЯ
ВИНЫ?

Фрэнсис Веллман

Искусство допроса. Как добиться признания вины?

Серия «Документальный триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65266151
Искусство допроса. Как добиться признания вины?:
ISBN 978-5-00180-137-5

Аннотация

– *Позаботьтесь, чтобы в комнате для проведения допроса не было никаких предметов, на которых можно было бы сконцентрировать свое внимание.*

– *Если преступник длительное время провел в стесненных условиях, был вынужден стоять или сидеть на полу, нужно подготовить для него удобное мягкое кресло.*

– *Ни в коем случае не допускайте того, чтобы потенциальный преступник знал о том, сколько прошло времени с момента начала допроса или мог предположить, когда он закончиться.*

– *Дайте понять преступнику, что вам уже все известно и сейчас нужно лишь убедиться в своей правоте...*

Ваша цель: максимальная дезориентация в пространстве и времени.

Эти и еще тысяча других советов содержатся в книге, давно уже ставшей классикой криминальной психологии. О

том, как добиться от преступника признания своей вины, как проводить перекрестный допрос, читайте в книге Ф. Веллмана. Издание дополнено выдержками из методических пособий для сотрудников ЦРУ.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие Майкла Е. Тигара	6
Френсис Л. Веллман	7
Книга Веллмана	9
Примечание об общественном положении и эпохе	15
Заключение	17
Предисловие ко второму изданию	18
Предисловие	21
Часть I	22
I. Введение	22
II. Методы перекрестного допроса	30
III. Суть перекрестного допроса	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фрэнсис Веллман

**Искусство допроса. Как
добиться признания вины?**

© ООО «Издательство Родина», 2021

Предисловие Майкла Е. Тигара

Книга Франсиса Л. Веллмана «Искусство перекрестного допроса» цитировалась десятки раз в литературе судебной адвокатуры. Она представляет собой рабочий стандарт с первого ее издания в 1903 году. Я хотел бы в первую очередь познакомить вас с мистером Веллманом, а затем с его замечательной книгой. Я хотел бы убедить вас прочитать эту книгу внимательно. Я также предложу вам, как ее следует читать, потому что, если вы будете пропускать его ссылки на современные для него события, которые далеки от нашего времени, вы пропустите множество забавных и мудрых эпизодов. Я также откровенно признаю, что стиль Веллмана отражает социальные установки того времени, свойственные людям в его общественном положении, и я хотел бы предупредить вас, что вы столкнетесь с некоторыми примерами этого в книге.

Френсис Л. Веллман

В течение всей своей профессиональной карьеры Франсис Л. Веллман был судебным адвокатом. Он родился в 1854 году в Бруклайне, штат Массачусетс, в зажиточной семье. Он окончил Гарвардский колледж. В 1878 году он окончил Гарвардский юридический университет с самым высоким баллом в классе. После его окончания он читал лекции в Гарварде и на юридическом факультете в Бостоне, а также был практикующим адвокатом у сенатора Бейнбриджа Вадлея. Он переехал в Нью-Йорк в 1883 году для работы в офисе юрисконсультов Нью-Йоркской городской корпорации, и именно тогда началась его карьера судебного адвоката. Он представлял город Нью-Йорк в самых разных гражданских делах в течение семи лет и заслужил прекрасную репутацию.

Веллман был назначен первым окружным прокурором графства Нью-Йорк в 1891 году. Он расследовал многие знаменитые дела.

Одной из его специальностей было судебное доказательство. Из-за своего интереса к криминалистике он разработал технику разбирательства по делам, связанным с отравлением, и был ведущим прокурором в двух знаменитых делах, где мужья отравили своих жен. Он выиграл оба дела, умело используя токсикологические доказательства и проведя блистательный допрос экспертов защиты. Интересные детали этих

дел вы найдете в книге.

Прокурорская карьера Веллмана резко оборвалась в результате конфликта. Из газет того времени неясно, почему он публично ушел с поста окружного прокурора в 1894 году. Он расследовал коррупцию в полиции и наткнулся на препятствия со всех сторон – ему мешали и полицейские чиновники, и мэрия. Затем его противники раскритиковали тот факт, что он имел частную практику по гражданским делам, параллельно работая на государственной службе, хотя так в то время в Нью-Йорке делали многие. Суматоха, царившая в Нью-Йоркской партийной политике в конце XIX века, наводит на мысль, что Веллман нажил себе политических врагов.

С 1884 года у него была солидная практика «барристера», основанная в большинстве случаев на направленных другими адвокатами судебных делах. Главным образом он представлял гражданских ответчиков: страховые компании, транзитные компании и прочие деловые предприятия. У него была активная адвокатская практика, что видно из судебных архивов, до 1930-х. Он был другом и коллегой адвокатов своего поколения и следующего. Он умер 7 июня 1942 года в возрасте 87 лет.

Книга Веллмана

У этой книги длинная история. Веллман опубликовал первое издание в 1903 году. В первой дюжине глав он излагает подробную историю перекрестного допроса, обогащенную примерами, взятыми в основном из его практики. Он также включает рассказы о других перекрестных допросчиках и допросах. После этого следует полдюжины глав, каждая из которых посвящена перекрестному допросу в известном деле. Один рецензент (Д.Д.Ф.) написал в «Адвокатском журнале Йеля», что книга «в общем... поучительна» и «необычайно занимательна». В 1910 году еще один автор «Адвокатского журнала Йеля» похвалил работу Веллмана о перекрестном допросе медицинских экспертов и нашел, что его книга «восхитительна».

Это переиздание второго издания книги, которое появилось в 1904 году. Веллман впоследствии издал еще две версии, но без особых изменений в основной части книги. Скорее, он убрал некоторые известные допросы, заменив их на другие. Я прочел все четыре издания и согласен с издателями, что то, что вы держите сейчас в руках, самое лучшее. Перекрестные допросы, приведенные здесь, поучительны, а некоторые из них вызывают в памяти другие дела, сыгравшие важную роль в истории Соединенных Штатов и Англии.

Я не осознавал, сколько пользы мне принесло изучение

подхода Веллмана, пока не перечитал эту книгу. Он не стереотипен. Он, например, не поучает, что наводящие вопросы всегда предпочтительны или что краткость всегда благоразумна. Он осознает, что мы можем не соглашаться с тем, что говорит свидетель, по многим причинам, относящимся ко всем дефектам людских показаний: провал в памяти, несовершенные наблюдения или даже простое недопонимание. Он напоминает нам, что на самом деле в мире «гораздо меньше лжесвидетельств, чем считают неопытные». Он советует нам тщательно изучать всех свидетелей противоположной стороны, для того чтобы увидеть не только источник и характер нашего несогласия с показаниями свидетеля, но и самый выигрышный подход к перекрестному допросу.

Веллман делает убедительное разграничение между «дискредитацией показаний» и «дискредитацией свидетеля». Свидетель может просто ошибаться, по разным причинам, и тем не менее держаться за свою «правду». Другой свидетель может умышленно фальсифицировать показания, и это должно быть выявлено. Один из более длинных примеров перекрестного допроса в последующей главе – из дела по нарушению обязательства, рассмотренного в Нью-Йорке в 1875 году. Нарушения обязательства жениться были любимой темой судебных процессов XIX века в Англии, Ирландии и Соединенных Штатах. Они требовали мастерства и красноречия величайших судебных адвокатов того времени, соединяя противоположные темы оскорбленной невин-

ности викторианской женщины и предполагаемой попытки ограбить богатого мужчину. Такие дела больше в наших судах не рассматриваются, но уроки их перекрестных допросов остаются с нами. В современных делах рассматриваются не менее эмоциональные вопросы. Например, многие дела о дискриминации по половому признаку на рабочем месте затрагивают социальные установки, напоминающие те, что рассматривались в этих старых делах.

Веллман описывает перекрестный допрос истицы в деле «Мартинез против дел Валла». Он напоминает нам, что, когда свидетельница красива, спокойна и хорошо говорит, агрессивный перекрестный допрос может иметь негативные последствия. Риск в том, говорит Веллман, что «из-за неблагоразумного поведения адвоката обвиняемого в суде, напавшего на истицу, присяжные выносят вердикт в ее пользу за клевету».

Однако следует немного абстрагироваться от социальных установок Веллмана в деле Мартинез, как и в других частях этой книги. В его предупреждении есть доля сексизма, но это не должно отвлечь от главной идеи: чересчур подавляющий перекрестный допрос может заставить присяжных симпатизировать свидетелю, а не адвокату вне зависимости от пола того и другого.

Веллман признает, что Чоат расплатился за то, что не был более тверд со свидетельницей и позволял ей повторять ее версию событий, показав только впоследствии в заклю-

читательном слове, что ее показания были ложными. Если у вас есть доказательство, противоречащее тому, что свидетель только что сказал присяжным, есть соблазн сделать это незамедлительно. Но иногда этим вы только даете возможность свидетелю объясниться и ускользнуть.

Я вспоминаю перекрестный допрос Джейка Якобсона, проведенный Эдвардом Беннеттом Вильямсом. Якобсон был главным свидетелем государства в судебном процессе по делу министра финансов Джона Конналли. Вильямс расспросил Якобсона о полудюжине противоречивых версий его работы с Конналли. Многие обозреватели процесса говорили, что перекрестный допрос был скучным. Вильямс же блистательно доказал, что он разбрасывал камни для заключительного слова.

Еще один великолепный перекрестный допрос приведен в 13-й главе – допрос лжесвидетеля Ричарда Пиготта сэром Чарльзом Рассел-лом. Здесь, как и во всех этих случаях, Веллман дает дельный совет:

«Для того чтобы полностью оценить примеры успешных перекрестных допросов, приведенные ниже, читатель должен всюю использовать свое воображение. Он должен попытаться представить себе переполненный зал суда, возбуждение, тишину, ожидание, жаждущие лица, молчание и достоинство суда, если он хочет понять хоть чуть-чуть настоящую сущность этого события».

Допрос Пиготта – блистательный пример того, как мож-

но использовать документ, чтобы заманить свидетеля в ловушку, не показывая ему бумаги, но постепенно уличая его во лжи. Свидетель предлагает объяснение, но скоро понимает, что следующая часть допроса показывает, что объяснение это фиктивно. Читая, обратите внимание на федеральное правило о доказательствах № 612, которое регулирует такого рода допросы сегодня. Посмотрите историю Парнелла в Википедии или другом полезном ресурсе, чтобы понять драматичный контекст, в котором Расселл выступал в суде. Расселл блистательно защищал Парнелла и выиграл это дело, но нравственная репутация Парнелла сильно пострадала, так как выяснилось, когда победа была уже близко, что у Парнелла была внебрачная связь.

Я не буду лишать вас удовольствия и суммировать заключения Веллмана. Он излагает теорию перекрестного допроса, с которой я согласен. В моей книге «Допрос свидетелей», тоже опубликованной Американской ассоциацией юристов, я высказал несколько дополняющих идей, в более современном контексте. По-моему, в письменных работах по перекрестному допросу есть две главные проблемы: во-первых, многие люди воспринимают перекрестный допрос слишком односторонне, как будто он может быть сведен к определенным правилам, а не адаптирован ко множеству деталей, присутствующих в каждом отдельном процессе. Во-вторых, многие авторы считают перекрестный допрос каждого свидетеля единичными случаями, вместо того чтобы рассмат-

ривать его в контексте всех свидетелей, доказательств и аргументов дела. Веллман же не делает этих ошибок.

Последняя глава, 18-я, посвящена «Золотым правилам перекрестного допроса свидетелей». Эти правила были написаны Давидом Полом Брауном, Веллман их просто приводит в своей книге. Правила эти относятся как к прямому, так и к перекрестному допросу. Они блестящи. Браун (1795–1872) был одним из великих американских адвокатов XIX века. Он представлял многих непопулярных обвиняемых в известных процессах и был одним из адвокатов зарождающегося в начале XIX века рабочего движения, которое закон попытался сломить обвинениями в тайном сговоре.

Примечание об общественном положении и эпохе

Веллман, как и все мы, был человеком своей эпохи. В книге есть устаревшие места, некоторые из которых, к сожалению, отражают неправильное отношение к тем, кому не посчастливилось родиться богатыми белыми мужчинами.

Большинство из устаревших наблюдений Веллмана могут быть легко переведены в современный контекст. Например, он пишет:

«Современные суды присяжных, особенно в больших городах, состоят из практичных бизнесменов, привыкших думать самостоятельно, имеющих богатый жизненный опыт, способных оценивать и различать».

Сегодня «современные суды присяжных» намного более разно образны, но не стоит отказываться от идеи Веллмана. Он говорит, что судебный процесс – это событие, в котором участвуют говорящие и слушающие, и адвокат обязан знать свою аудиторию.

Когда он кажется немного старомодным, тем более сексистом, в своем описании свидетельниц, мы все равно можем кое-что вынести из его рассказа: отношение присяжных к свидетелям зависит от должности, расы, этнической принадлежности и социального положения свидетеля (и присяжных). Это отношение, быть может, и изменилось со време-

нем, но с ним все равно надо считаться.

Некоторые из рассказов Веллмана о событиях судебных процессов и поведении адвокатов гораздо более интересны с точки зрения истории, чем для понимания того, что происходит в суде сегодня.

Есть одна деталь, о которой, хотелось бы думать, Веллман впоследствии сожалел, и я не могу о ней не упомянуть. Он приводит отрывки из перекрестного допроса Чарльза Гито, судимого за убийство президента Джеймса Гарфилда. Веллман пишет, что процесс был публичным зрелищем, и говорит, что «каждый день зал суда был переполнен отбросами вашингтонского общества – неграми, проститутками и самыми разными любопытными». Это отвратительное заявление. Но перед тем, как выбросить книгу Веллмана, мы должны признать, что атавистическое отношение к расовым проблемам до сих пор не исчезло из судебных процессов в нашей стране. В 2008 году Верховный суд решил дело Снайдера против штата Луизиана, а мнение судьи Алито о семи верховных судьях показывает расистское отношение к выбору присяжных и судебных доказательств.

Заключение

Я думаю, что эта книга не будет для вас пустой тратой времени. Быть может, самый часто цитируемый отрывок из этой книги – отрывок из правил Давида Пола Брауна:

«Будьте мягкими с мягкими, проницательными с лукавыми, доверчивыми с честными, милосердными с молодыми, слабыми с боязливymi, жесткими с негодяями и громогласными с лжецами. Но при этом никогда не забывайте о собственном достоинстве. Соберите все силы своего ума не для того, чтобы вы блистали, а для того, чтобы блистала добродетель, и Ваше дело процветало».

Вы можете спросить: «Но откуда мне знать, что это за свидетель?», «А как выразить эту мягкость, проницательность, доверие, милосердие и жесткость»? В этой книге вы найдете не только ответы на эти вопросы, но и способы, как ответить на них самому.

*Майкл Е. Тигар Профессор адвокатуры,
Школа права Дюка Почетный профессор,
Вашингтонский юридический колледж
Председатель секции судебного процесса
Американской ассоциации юристов, 1989–1990*

Предисловие ко второму изданию

*Моим сыновьям Родерику и Аллену, которые
выразили желание стать юристами, я с
любовью посвящаю эту книгу*

*«Перекрестный допрос – самое редкое, самое
полезное и самое труднодоступное из всех
достижений адвоката. <...> Оно всегда считалось
самым верным показателем правдивости и более
надежным, чем клятва».*

Кокс.

Я полагаю, что любой автор, после первого издания книги на важную тему, оказывается потрясен обилием идей и иллюстраций, которые могли бы быть включены в эту его книгу и которые, по крайней мере для него, делают второе издание неизбежным. Эта уверенность пришла и ко мне, и когда первое издание было переиздано в шестой раз в течение пяти месяцев, я был рад узнать от своих издателей, что книга была достаточно хорошо принята читателями, чтобы оправдать второе и в значительной мере расширенное издание. Эта книга оказалась фактически написанной заново, настолько важны были добавления, хотя первые несколько глав были оставлены почти без изменений.

Глава «Перекрестный допрос экспертов» была перестрое-

на, было добавлено множество новых примеров, и обсуждение было расширено.

Была добавлена новая глава «Перекрестный допрос и ошибки свидетельских показаний», целью которой является короткое обсуждение философии устных свидетельств.

Также появилась новая глава «Перекрестный допрос и математическая вероятность – характер допросчика, и т. д.» со многими новыми инструктивными иллюстрациями.

Быть может, самым занимательным добавлением является глава о «Знаменитом деле о нарушении обещания в деле Мартинез против дел Валла», в которой детально излагается один из самых тонких перекрестных допросов мистера Джозефа Х. Чоата с объяснительными аннотациями. Это дело идет первым среди примеров известных перекрестных допросов именно благодаря аннотациям. Их цель – направлять студента и указывать ему на некоторые методы, используемые великими адвокатами, ведущими перекрестный допрос, с тем чтобы ему были более понятны методы, используемые в перекрестных допросах последующих глав.

Выдержки из перекрестного допроса Гито, убийцы президента Гарфилда, проведенного адвокатом мистером Джоном К. Портером, составляют еще одну новую главу.

Вместо перекрестного допроса Расселла Сейджа, проведенного мистером Чоатом в суде третьей инстанции (выдержки из которого были приведены в первом издании книги), в этом издании использован намного более поучитель-

ный и забавный допрос из суда второй инстанции.

Все то, что в первом издании было всего лишь забавным, или если и было поучительным, то не очень ясным, в это издание не вошло. Таким образом, почти половина этого издания – новые и более серьезные материалы.

Одной важной особенностью книги является то, что все дела и приведенные примеры настоящие, и поэтому многие из них неизвестны профессионалам. Они не были намеренно преувеличены или искажены.

Я надеюсь, что мои читатели получат столько же удовольствия от прочтения этого нового издания книги, как и я получил от исследований, проведенных для его подготовки.

Бар Харбор, штат Мэн 1 сентября 1904 года

Предисловие

Предлагая эту книгу профессионалам-юристам, я хотел бы заметить, что не считаю, что познания мои на эту тему превосходят знания других, за исключением случаев, когда они были приобретены из моего профессионального опыта. Я не пытался преподнести эту тему с научной, тщательно разработанной или исчерпывающей точки зрения, но всего лишь дать советы по искусству перекрестного допроса, которые накопились за двадцать пять лет судебной практики, во время которой я допросил и перекрестно допросил около пятнадцати тысяч свидетелей из всех классов общества.

Если написанное здесь сможет послужить какой-либо инструкцией для более молодых моих коллег, быть интересным или занимательным для публики, это достаточно оправдывает время, потраченное мной в течение летнего отпуска на то, чтобы обратить в читаемую форму кое-какие эпизоды моего профессионального опыта, относящиеся к этой сложнейшей теме.

Бар Харбор,

штат Мэн 1 сентября 1903 года

Часть I

Принципы перекрестного допроса

I. Введение

«Исход дела редко зависит от выступлений, и не менее редко эти речи могут как-либо на него повлиять. Но не существует судебных разбирательств, результат которых не зависел бы от мастерства, с которым адвокат проводит перекрестный допрос».

К такому заключению пришел один из величайших английских адвокатов в конце своей длительной и полной событий карьеры барристера. Написано это было лет пятьдесят назад, когда ораторское искусство в публичных судебных заседаниях было на высоте. Высказывание это еще более подходит к сегодняшней эпохе, когда уже редко можно услышать в судах то, что раньше называлось «великой речью», потому что современные методы нашей профессии имеют тенденцию препятствовать развитию судебного ораторского искусства и развитию самих ораторов. Старомодные ораторы, имеющие обыкновение «брать быка за рога», теперь уже не в почете, как раньше. Для наших современных присяжных ораторское искусство – «юридические документы в ог-

не», как ранее назывались речи лорда Браухема. Они хотя и продолжают пользоваться успехом как страстные литературные произведения, но стали почти бесполезными в качестве убедительных аргументов или для «заключительного слова».

Современные суды присяжных, особенно в больших городах, состоят из практичных бизнесменов, привыкших думать самостоятельно, имеющих богатый жизненный опыт, способных оценивать и различать, безразличных к страстям и предрассудкам, на выявление которых почти всегда направлено судебное ораторство. Сегодня присяжные, как правило, обращают самое тщательное внимание на показания и остро чувствуют правду. Я не хочу сказать, что присяжные стали бесчеловечны или что они перестали в каких-то случаях глубоко ошибаться, ведомые если не своими страстями, то своими предрассудками. Тем не менее в большинстве судебных процессов современный присяжный и особенно современный городской присяжный (а большинство судебных разбирательств проходит именно в больших городах) более всего похож на идеального арбитра, судящего по фактам дела, которого хотелось бы иметь самому оптимистичному поборнику института суда присяжных.

Я осознаю, что многие мои коллеги все еще относятся к суду присяжных с насмешкой. Но тем не менее эти люди, не считая неудачников и недовольных, с несущественными исключениями не имеют большого опыта в судах или принадлежат к тем представителям быстро растущего класса нашей

профессии, которые бросили судебную практику и делают деньги, и не сшившиеся нам в юридической профессии десяток лет назад, становясь так называемыми бизнес-адвокатами – людьми, обученными профессии адвоката, которые, воспользовавшись случаем, а также незаурядной коммерческой жилкой, стали использовать свое образование, особенно познания в области коммерческого права, в целях великих коммерческих инициатив, комбинаций и реорганизаций, таким образом занимаясь адвокатской деятельностью как бизнесом.

Для таких людей эта книга не представит большого интереса. Советы и познания, приведенные ниже, адресованы в первую очередь тем, кто волею судьбы или по собственному выбору работает или собирается работать в наиболее трудной из всех адвокатских профессий – судебном разбирательстве.

Справедливо замечено, что многие из наших лучших адвокатов (здесь я говорю особенно о Нью-Йорке) уходят из судебной практики из-за перемен в самой сущности судебных процессов. Эти перемены дошли до того, что в некоторых районах важные коммерческие дела редко доходят до принятия решения судом. Наши бизнесмены предпочитают идти на компромиссы в сложных ситуациях или списывать свои убытки со счета, чем ввязываться в судебные разбирательства, которые будут тянуться в судах до трех лет, ожидая своей очереди для судебного заседания в переполненных су-

дебных календарях. И тем не менее шесть тысяч различных дел рассматриваются в судах ежегодно в одном только Манхэттене.

Эта перегруженность является, мне кажется, не только результатом нехватки судей или того, что они неспособные или нетрудолюбивые. Большей частью это дефект нашей популярной системы, в соответствии с которой любой адвокат, являющийся членом адвокатской коллегии, допускается к практике в судах высших инстанций в Америке. В США мы не делаем различия между адвокатами высшего ранга (барристерами) и юрисконсультантами (солисителями); мы все, по очереди, выступаем и как барристеры, и как солиситоры. Нужно всего лишь посетить суд, чтобы убедиться, что пока десять тысяч членов адвокатской коллегии Нью-Йоркского округа будут с готовностью пользоваться своей привилегией по представлению их клиента в суде, большинство судебных разбирательств будет проходить плохо, и много драгоценного времени будет потеряно.

Проведение дела в суде является особым искусством, где не место многим людям, даже очень хорошо юридически образованным. В случаях, когда адвокат имеет опыт судебного разбирательства не чаще, чем один раз в год (или даже дюжину раз в год), он никогда не станет компетентным судебным адвокатом. Я не адресую эти слова клиентам, которые часто считают, что если мы квалифицированные адвокаты, то можем компетентно представлять их интересы в су-

де. Я говорю от имени наших судов, против перегруженных расписаний и последующего вытеснения важных коммерческих судебных дел.

Человеку, имеющему опыт в суде, понадобится не более четверти времени, затраченного менее опытным, но образованным адвокатом, для подготовки фактов к проведению дела. Его дело будет тщательно подготовлено и изучено до начала суда. Вопросы права и факты будут четко определены и изложены суду и присяжным в наикратчайшей форме. Таким образом он избежит множества возможных ошибочных решений по вопросам закона и доказательств, из-за которых сегодня так часто пересматриваются вердикты при апелляции. Он не только закончит свое судебное разбирательство в более короткий срок, но и, скорее всего, добьется более справедливого вердикта в деле, которое впоследствии может даже не подлежать апелляции или же, в случае апелляции, будет поддержано вышестоящим судом, а не передано обратно для повторного разбирательства с вытекающими из этого последствиями в виде траты времени еще одного судьи, новых присяжных и повторной работы.

С каждым годом эти факторы принимаются во внимание все чаще и чаще, и в наших районных судах уже появился постоянно растущий круг судебных адвокатов, которые в основном занимаются именно судебной практикой.

Некоторые адвокаты дошли до того, что отказываются напрямую общаться с клиентами, если те приходят без сопро-

вождения их собственного адвоката. Приятно заметить, что некоторые из наших ведущих адвокатов, отозванных от своих больших и активных адвокатских практик с тем, чтобы работать на государство, изъявили желание, по возвращении к своей практике, отказаться от всех дел, где клиенты не представлены компетентными адвокатами, признав, по крайней мере, в рамках их собственной практики, английское различие между барристером и солиситором. Таким образом, мы наконец-то начинаем ценить в этой стране то, что английские суды давным-давно осознали: единственный способ гарантировать быстрое и грамотное проведение судебного разбирательства – это сделать нормой в судебной практике участие относительно ограниченного количества обученных судебных адвокатов.

Различие между общими практикующими профессионалами и специалистами уже существует в медицине, и публика считает такое различие общепринятой нормой. Какой же человек сегодня согласится лечь на операцию, проводимую семейный врачом-терапевтом, вместо того чтобы обратиться к опытному хирургу? А ведь когда-то семейный врач мог быть компетентным хирургом, и, несомненно, он когда-то работал и в больницах. Но он так редко имеет дело с операциями, что уклоняется от этой процедуры, за исключением случаев, когда нет другого выхода. Похожее различие должно быть и в юридической профессии. Семейный адвокат мог быть когда-то компетентным в суде, но он давно этим не за-

нимается – он не обучен соревноваться на этой арене.

В искусстве адвокатуры нет легких путей к умению. Опыт, и можно сказать, что только опыт, приносит успех. Я не говорю о том меньшинстве людей во всех профессиях, которых коснулась волшебная палочка гениальности, а о людях со средними способностями или даже с особой склонностью к адвокатскому призванию; для них это соревнование опыта. Опытный адвокат может посмотреть на тех, у кого меньше опыта, и успокоить себя тем, что у них на столько-то меньше пройденных дел, чем у него; что, если он будет продолжать работать с равными возможностями в суде, его никогда не перегонят. Когда-нибудь публика признает этот факт. Но в настоящее время, что знает обычный человек в суде о преимуществах адвоката, который чувствует себя в зале суда, как дома, и, быть может, даже знаком со списком присяжных, которые будут это дело слушать, уже поучаствовав в судебных делах, представленных перед этими же присяжными? Как мало обыкновенный бизнесмен осознает полезность для него адвоката, понимающего склад мышления и процедуру рассмотрения доказательств, а если быть точнее, то понимающий отдельные особенности мышления того самого судьи, который будет председательствовать на данном судебном разбирательстве. Не то чтобы наши судьи не являлись в высшей степени честными в проведении судебных процессов, но, несмотря на это, они все же люди, и часто ничто человеческое им не чуждо, и судебный адвокат, зна-

ющий своего судью, начинает дело с преимуществом, которое редко ценится менее опытным адвокатом. А насколько важен опыт в выборе самих присяжных – одно из тончайших искусств адвоката! Это всего лишь некоторые из подобных преимуществ, которые можно перечислить, но они не относятся к нашей теме – умению адвоката вести судебное разбирательство после того, как присяжные уже выбраны.

Когда общественность поймет, что хороший судебный адвокат – это результат, так сказать, длительной работы со свидетелями, когда клиенты наконец-то поймут все опасности, связанные с поручением их дел так называемым «офисным адвокатам», у которых или мало опыта в судах, или он отсутствует вообще, тогда они сами будут настаивать на том, чтобы резюме их дел были доверены тем, кто специализируется на судебной практике, с их личными адвокатами в качестве советчика и ассистента. Один из главных недостатков нашей сегодняшней системы внезапно исчезнет, из-за быстро проводимых процессов освободятся судебные расписания, разбирательства будут рассмотрены в разумные сроки после их составления, коммерческие дела, которые сегодня рассматриваются вне судов при неблагоприятных условиях или просто заброшены, вернуться в наши суды, к взаимному удовлетворению и юридических профессионалов, и бизнес-сообщества в целом, дела будут разбираться более грамотно, а искусство перекрестного допроса будет более тщательно изучено и понято.

II. Методы перекрестного допроса

Нужно не более чем самое простое объяснение сущности перекрестного допроса, чтобы показать его необходимость во всех судебных процессах, рассматривающих фактические вопросы. Во всех делах, доходящих до суда, присутствуют две стороны. Если свидетели одной стороны отрицают или иначе объясняют заявления, сделанные другой стороной, какая из них говорит правду? Вовсе не обязательно, что одна из сторон дает ложные показания – преднамеренные ложные показания даются в судах гораздо реже, чем считают не искушенные судебными процессами люди, но какая из сторон откровенно ошибается? Ведь зачастую улики гораздо менее надежны, чем думает общество. Какая из сторон ослеплена невежественностью или извращена предрассудками? У какой из сторон была возможность или способность правильного наблюдения событий? Как все это узнать, как это показать безразличным присяжным, которые должны выбрать между сторонами? Естественно, с помощью перекрестного допроса.

Если бы все свидетели выступали честно и с умом, добросовестно следуя не только словам, но и смыслу клятвы «говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды», и если бы адвокаты обеих сторон имели достаточно нужного опыта, честности и ума и приносили бы клятву раскрыть правду и

ничего, кроме правды, конечно, перекрестный до-прос был бы не нужен и должность перекрестного допрашивающего исчезла бы. Но пока что только перекрестный допрос может отделить правду от лжи и избавиться от преувеличений, и замены ему нет.

Система стара, как история наций. Действительно, по сей день то описание перекрестного допроса Сократом своего обвинителя Ми-лета, которое описывает Платон и в котором Сократ защищает себя против обвинения в развращении юношества Афин (преступление, наказуемое смертной казнью), может цитироваться как шедевр искусства перекрестного допроса.

Перекрестный допрос обычно считается самой сложной из разнообразных обязанностей адвоката. Кто-то заметил, что успех в этом искусстве чаще всего приходит к тому, кому посчастливилось иметь особый талант в этой области. Это часто не получается даже у великих адвокатов, тогда как те, которые кажутся профессионалами среднего уровня, не раз преуспевали на этом поприще. Тем не менее личный опыт и подражание другим обученным этому искусству – вот самый достоверный способ для того, чтобы научиться этому наиважнейшему навыку, необходимому любому компетентному судебному адвокату.

Для этого нужны величайшее мастерство, привычка думать логически, общее четкое восприятие, неограниченное терпение и контроль над собой, интуитивное умение читать

людские мысли и понимать их характер и побуждения, просто увидев их лица, умение действовать с силой и точностью, экспертные знания об обсуждаемом предмете, крайняя осторожность и, превыше всего, умение инстинктивно чувствовать слабость в допрашиваемом свидетеле.

В ходе работы приходится иметь дело с удивительно разнообразными свидетелями, дающими показания о неисчислимых и совершенно разных ситуациях. Здесь присутствуют все оттенки и аспекты человеческой морали, людских страстей и интеллектов. Это дуэль умов между адвокатом и свидетелем.

В обсуждении методов, которые можно использовать при перекрестном допросе свидетеля, давайте представим, что мы работаем на судебном процессе и находимся в конце прямого допроса свидетеля, вызванного нашим оппонентом. Естественно, что первым вопросом будет: сказал ли свидетель что-либо, что может быть использовано против нас? Навредили ли нашей стороне дела его показания? Настроил ли он против нас присяжных? Нужно ли вообще нам его перекрестно допрашивать?

Но перед тем как мы решим отпустить свидетеля, нужно продумать возможность получения от него каких-то новых фактов в нашу пользу. Если свидетель кажется открытым и честным, это легко сделать, задав простые и прямые вопросы. Но если есть причины сомневаться в желании свидетеля раскрыть правду, может быть, стоит действовать осторожно

и, возможно, поставить свидетеля в положение, где присяжным покажется, что он мог бы многое рассказать, если бы того захотел, а затем оставить его в покое. В таком случае присяжные уловят намек, что, если бы свидетель продолжал говорить, он дал бы показания в нашу пользу.

Но что если свидетель дал показания о материальных фактах, свидетельствующих против нас, и наш долг – разрушить силу его показаний или потерять какую-либо надежду на позитивный вердикт присяжных? С чего следует начать? Как узнать, совершил ли свидетель искреннюю ошибку или дал ложные показания? Естественно, что методы допроса в этих двух случаях будут совершенно разными. Есть важная разница между дискредитированием показаний и дискредитированием самого свидетеля. Здесь почти все зависит от инстинктов самого допросчика. Некоторые считают, что язык взглядов, или выражение голоса, или то, как свидетель себя держит, или все это вместе – вот что выдает преднамеренного лжесвидетеля. Трудно сказать, что это на самом деле, но постоянная практика дает судебному адвокату навыки, нужные для того, чтобы точно оценить такую ситуацию. Умелый допросчик редко отводит взгляд от важного свидетеля, пока его допрашивает адвокат противоположной стороны. Каждое выражение его лица, особенно рта, и даже каждое движение его рук, то, как он говорит, как себя держит – все это помогает допросчику правильно оценить честность свидетеля.

Давайте считать, что мы правильно оценили данного свидетеля и что он честно пытается описать события, о которых дает показания, но тем не менее он серьезно ошибается из-за незнания, оплошности или чего-либо другого, что нужно показать присяжным. Как нам это сделать? Это приводит нас к первому важному фактору в нашем обсуждении, основному для перекрестного допросчика.

Абсурдно считать, что адвокат может уговорить свидетеля, который поклялся в каких-либо фактах, даже если он случайно преувеличил правдивость сказанного, изменить сказанное и признать свою ошибку. Как правило, люди не задумываются о своих скудных возможностях наблюдения и редко когда подозревают, насколько слабы их наблюдательские способности. Они приходят в суд, когда их вызывают в качестве свидетеля, готовые рассказать то, что, как они считают, они знают, и в начале они так же возмущаются атакой на их повествование, как возмущались бы в случае атаки на их откровенность.

Если перекрестный допросчик дает свидетелю понять своим поведением с самого начала, что он не верит в его откровенность, свидетель выпрямится в свидетельском кресле и внутренне сразу же бросит вызов допросчику. С другой стороны, если адвокат ведет себя вежливо и мирно, вскоре свидетель перестанет бояться (как бояться допросчиков все свидетели) и его можно будет почти незаметно вывести на непринужденный разговор о его показаниях, который, если

допрос ведет умный адвокат, вскоре выявит слабые пункты в показаниях. Присяжные всегда симпатизируют свидетелю и быстро возмущаются против любой невежливости по отношению к нему. Они готовы признать, что он ошибался, если вы сможете это показать, но они крайне неохотно признают лжесвидетельство. О, как часто об этом забывают в наших сегодняшних судах! Приходится постоянно сталкиваться с адвокатами, которые ведут себя так, как будто все, кто дает показания против их стороны, намеренно лжесвидетельствуют. Ничего удивительного, что они так мало достигают своими перекрестными допросами! Своим кричащим, забивающим стилем допроса они часто вводят свидетеля в смятение, это действительно так, но им не удастся дискредитировать его в глазах присяжных. Наоборот, они вызывают симпатию присяжных к свидетелю, на которого набрасываются, и не понимают, что их «интенсивный перекрестный допрос», по окончании которого они садятся на место с удовлетворенным видом, только что настроил против их стороны, по крайней мере, одного честного члена присяжных и, скорее всего, осветил какой-то факт, выгодный для противоположной стороны, который был пропущен во время прямого допроса.

Существует рассказ о Реверди Джонсоне, который однажды во время суда упрекнул собрата-адвоката в плохой памяти и получил незамедлительный ответ: «Да, мистер Джонсон, но, пожалуйста, помните о том, что в отличие от льва в

известной пьесе, мне приходится делать нечто большее, чем просто рычать».

Я знаю только об одном адвокате, которому удалось использовать этот метод рыка с успехом, – Бенжамине Ф. Батлере. В его случае вежливость, и даже гуманность, были исключены. О нем говорили, что «при использовании его методов скрытность или увиливание от ответа свидетелем были едва ли возможны». Но Батлер был потрясающей личностью. Он был агрессивен и даже сварлив, но, несмотря на это, и колоритен – свидетели его боялись. Батлер пользовался популярностью среди народа; обычно в суде присутствовало множество его поклонников, уже ставших на его сторону дела с самого начала процесса, и каждое его высказывание относительно свидетелей было тут же громко поддержано его приспешниками. Это заметно усиливало замешательство свидетеля и давало Батлеру значимое преимущество. Следует помнить о том, что Батлер презирал щепетильность, что сегодня вряд ли бы ему помогло. Однажды он допрашивал свидетеля в типичной своей манере. Судья перебил его, напомнив, что свидетель был профессором Гарварда. «Я знаю, Ваша честь, – ответил Батлер, – одного из них мы недавно повесили».¹

С другой стороны, о Руфусе Чоате, чье искусство и утонченность, конечно же, делают его одним из первых в рядах американских адвокатов, говорилось, что во время пе-

¹ Clark Gilbert J., Esq. Life Sketches of Eminent Lawyers.

рекрестного допроса «он никогда не вызывал отпора со стороны свидетелей, нападая на них, он умиротворял их своей тихой и вежливой манерой допроса. Но всегда, прежде чем отпустить свидетеля, раскрывал слабые места в его показаниях или его предвзятость, умаляющую твердость его показаний». (Чоате остроил, что «отпуск адвоката состоит из промежутка между вопросом, заданным свидетелю, и его ответом»).2

Джуда П. Бенжамин, «выдающийся адвокат двух континентов», проводил перекрестный допрос глазами. «Ни один свидетель не мог посмотреть в черные, пронзительные глаза Бенжамина и продолжать настаивать на лжи».

Среди английских барристеров сэр Джеймс Скарлетт, лорд Абинжер, имел репутацию перекрестного допрашивающего, превзошедшего всех адвокатов, выступивших к тому времени в Британском суде. «Джентльменская непринужденность, изысканная учтивость и христианская воспитанность и заботливость, с которыми он приступал к делу, причиняли бесконечный вред показаниям свидетелей, которые пытались его обмануть или которых он считал целесообразным в чем-то подозревать».

Хороший адвокат должен быть хорошим актером. Самый осторожный из адвокатов, ведущий перекрестный допрос, часто получает ответ, который может нанести ущерб делу. В таких случаях адвокат должен контролировать себя больше

² Neilson. Memories of Rufus Choate.

всего. Если на вашем лице отразилось, что ответ навредил, вы можете проиграть дело только из-за этого. Как часто мы видим допрашивающего, которого такой ответ застал врасплох! Он делает паузу, быть может, краснеет и, после того как ответ имел достаточный эффект, наконец, обретает самообладание, но редко вместе с этим к нему возвращается контроль над свидетелем. А вот опытного адвоката такие ответы не только не удивят и не собьют с пути, но будут казаться сами собой разумеющимися и не произведут ожидаемого впечатления. Он задаст следующий вопрос, как будто ничего не произошло, и улыбнется свидетелю недоверчиво, как бы говоря: «Неужели вы думаете, что этому кто-то поверит?»

Как пример одного из таких случаев, есть рассказ о Руфусе Чоате. «Свидетель противоположной стороны нечаянно проронил, не заостряя на этом внимание, очень важный факт, который, по мнению Чоата, мог бы, при определенном мастерстве, быть использован во вред его клиенту. Он позволил свидетелю высказаться, а потом, делая вид, что услышал что-то очень важное, попросил его повторить показания, дабы убедиться, что он их правильно записал. Таким образом, он осторожно обошел перекрестный допрос свидетеля и в своем заключительном слове ни разу даже не намекнул на эти показания. Когда адвокат противоположной стороны в своем заключительном слове дошел до этой части дела, он был настолько под впечатлением от того, что мистер Чоат обнаружил в этих показаниях что-то позитивное

для своего клиента, что, хотя он и не видел, чем именно эта информация могла ему помочь, он удовлетворился тем, что сказал, что хотя мистер Чоат и думал, что показания могут помочь его клиенту, ему все же казалось, что показания более помогли противоположной стороне, и далее перешел к рассмотрению других частей дела».³

Любовь к бою, присущая мужчинам, – вот что привлекает внимание присяжных к процедуре судебного разбирательства. Приятный юрисконсульт, который говорит с видимым прямотушием, который кажется истинным искателем правды, который вежлив к дающим показания против него, который не задерживает постоянно ход дела неисчислимыми протестами и исключениями, быть может неумелых, но безобидных показаний, который знает свое дело и садится на место, когда оно сделано, всегда играя по правилам, – именно он создает атмосферу, благоприятную для стороны, которую он представляет, оказывая сильное, возможно подсознательное, влияние на присяжных при принятии их решения. Даже если, из-за значительных показаний, вердикт оказывается против него, приговор будет намного менее строгим, чем тот, что ожидал клиент.

С другой стороны, адвокат, утомляющий суд и присяжных бес-конечными и бессмысленными перекрестными допросами, который постоянно выходит из себя и проявляет враждебность к свидетелям, который постоянно сидит с

³ Neilson. Memories of Rufus Choate.

беспокойной и кислой миной, у которого монотонный, резкий и пронзительный голос, который выглядит неряшливо и неопрятно, который склонен жестко использовать слабые стороны свидетеля или адвоката и который твердо намерен выиграть любой ценой, такой адвокат быстро настраивает присяжных против себя и своего клиента, вне зависимости от показаний, данных по делу.

Очень часто кажется, что все улики сходятся в одну точку, когда на самом деле это отнюдь не так. Это во многом зависит от сообразительности адвоката, ведущего перекрестный допрос; часто он может создать атмосферу, в которой бо́льшая часть показаний против него будет просто незаметна. Это часть «умелого ведения дела» на его пути к заключительному слову, от которого так много зависит. Допрос свидетелей, так же, как и заключительное слово, – показатель ораторского искусства адвоката. «Сущность в стиле». Я не хочу пропагандировать ту преувеличенную манеру, которая встречается так часто, которая разделяет внимание ваших слушателей между вами и вашим вопросом и которая часто отвлекает внимание присяжных от сути того, что вы хотите сказать, и заостряет их внимание на своеобразии вашего поведения и манеры говорить. Как воскликнул один глуховатый человек, которому не удалось найти места поближе к Генри Клею во время слушания одного из его лучших дел, «я не слышал ни слова из того, что он говорил, но, великий Иегова, как же он двигался!»

Сама интонация и выражение лица адвоката, ведущего перекрестный допрос, могут сильно подействовать на присяжных и дать им возможность полностью оценить какой-то вопрос, который они могли бы иначе пропустить мимо своих ушей.

«Один раз, при допросе свидетеля, которого звали Сампсон, на которого подали в суд (он был редактором журнала “Арбитр”), Расселл задал свидетелю вопрос, на который тот не ответил. “Вы слышали мой вопрос?” – тихо спросил Расселл. “Да”, – ответил Сампсон. “Вы его поняли?” – спросил Расселл еще тише. “Да”, – ответил Сампсон. “В таком случае, – громко воскликнул Расселл, и казалось, что он вот-вот вскочит с места и схватит свидетеля за горло, – почему же вы не ответили? Расскажите присяжным, почему вы не ответили на вопрос!” Волнение охватило зал суда, Сампсон был потрясен и так и не оправился после этого».⁴

Говорите четко сами и заставляйте вашего свидетеля делать так же. Объясняйте главные детали так ясно, чтобы они были понятны даже самым посредственным людям. Постоянно поддерживайте интерес вашего зрителя – присяжных, не давайте им быть невнимательными. Помните, что вы обращаетесь к рассудку присяжных, хотя и задаете вопросы свидетелю. Поддерживайте тон вашего голоса, соответствующий теме, которую вы обсуждаете. Голос Руфуса Чоата, казалось, обволакивал свидетеля, в какой-то мере влиял на

⁴ O'Brien Barry. Life of Lord Russell.

него и водворял тишину среди зрителей. Он полностью использовал свой богатый голос при допросе свидетелей, со всем его разнообразием и резонансом. Разница между тоном его допроса и тоном противоположной стороны, выступающей после него, была очень заметна.

«Мистер Чоат притягивал присяжных задолго до его заключительного слова, он завораживал их, как только садился перед ними в зале суда и заглядывал им в глаза. Обычно он ухитрялся сесть как можно ближе к ним, по мере возможности ставя свой стол рядом с барьером, прямо перед присяжными, отделяясь от них только узким проходом. Там он сидел, спокойный, задумчивый; и при любом шуме и беспорядке оставался невозмутимым. Он постоянно продвигался вперед – или с присяжными, или с судом, или со свидетелем, никогда не делая ничего, что имело малейший шанс отрицательно повлиять на его дело, и не упуская ни одной мелочи, полезной для выигрыша. Он ласково улыбался адвокату, сказавшему что-либо хорошее; улыбался с симпатией и пониманием присяжным, когда кто-то из них смеялся или задавал вопрос, он пленял их своим притягивающим взглядом, как любовник пленяет любимую женщину. Казалось, что он руководит всем процессом с видом легкого превосходства. Умение его направлять и влиять на всех вокруг с самого начала процесса не поддавалось описанию. Он вел себя с присяжными, как друг, заботливый друг, готовый помочь им с их утомительным расследованием, но никогда как

опытный боец, намеренный выиграть, рассматривающий их всего лишь как средство в достижении своей цели».⁵

⁵ Parker. Reminiscences of Rufus Choate.

III. Суть перекрестного допроса

Если из своего опыта мы узнали первый урок нашего искусства – контролировать свою манеру поведения в отношении свидетеля, даже при самых сложных обстоятельствах, далее нам важно обратить внимание на суть нашего перекрестного допроса. Быть может, своей манерой мы его немного обезоружили или, по крайней мере, усыпили его бдительность, пока он роется в памяти или совести в поисках ответов на искусно заданные и глубокие вопросы, смысл которых он, скорее всего, не понимает, но разбить его полностью мы можем только сутью нашего перекрестного допроса.

Какого рода будет наша первая атака? Стоит ли нам воспользоваться губительным методом, который мы видим ежедневно в судах, и попросить свидетеля пересказать нам ту же историю, которую он уже рассказал нашему противнику, абсурдно надеясь, что он изменит ее при повторе, а не перескажет слово в слово, произведя на присяжных вдвойне сильное впечатление? Или лучше вовсе не упоминать его первоначальный рассказ, кроме как для того, чтобы обратить внимание на слабые места? Что бы мы ни делали, давайте делать это с тихим достоинством, с абсолютной честностью по отношению к свидетелю и формулировать вопросы как можно более просто, дабы избежать недопонимания и путаницы. Давайте представим себя на их месте, на скамье присяжных,

и посмотрим на доказательства их глазами. Мы не пытаемся заслужить репутацию «заумных» адвокатов, ведущих перекрестный допрос. Скорее, мы думаем о нашем клиенте, о том, что он нанял нас для того, чтобы мы перетянули присяжных на его сторону в этом деле. Не будем также задавать безрассудных вопросов без определенной цели. Неумело заданные вопросы хуже, чем отсутствие вопросов вообще, и скорее укрепляют свидетеля, чем уничтожают его.

Мы должны помнить, что во время прямой дачи показаний нашим воображаемым свидетелем мы наблюдали за каждым его движением и выражением лица. Нашли ли мы, с чего начать наш перекрестный допрос? Обнаружили ли мы слабое место в его рассказе?

Если так, то не будем тратить время зря и сразу же обратим внимание на это место. Быть может, стоит рассказать присяжным об отношении свидетеля к сторонам, участвующим в деле, или к сути рассматриваемого дела, как о причине, из-за которой его показания были представлены в благоприятном свете для стороны, в пользу которой он выступает. Быть может, у него прямой интерес к исходу дела, или он получит от позитивного исхода какую-то выгоду. Или у него есть другая заинтересованность в деле, которую можно осторожно разоблачить. Может быть, свидетель всего лишь страдает от пристрастности, пагубной для показаний, о которой и сам не подозревает. Может даже оказаться, что, узнай присяжные о тех ограниченных способах, с помощью которых

свидетель добыл ту достоверную информацию, о которой он принес клятву, путем искусного допроса адвоката противоположной стороны, одно это может уже умалить влияние его показаний. С другой стороны, может случиться, что у свидетеля была наилучшая возможность наблюдать те факты, о которых он рассказывает, но ему не хватило ума правильно их оценить. Два человека могут стать свидетелями одного и того же происшествия и понять его совершенно по-разному, но каждый из них, вызванный для дачи показаний, может быть готов поклясться, что его толкование события и есть правильное. Очевидно, что обе оценки одного дела не могут быть верны, чья же трактовка ошибочна? У кого была лучшая возможность увидеть ситуацию? У кого из свидетелей более точное восприятие? Все это мы можем должным образом назвать сутью нашего перекрестного допроса.

Одно дело – иметь возможность наблюдения или даже ум, достаточный для правильного наблюдения, но совсем другое – точно запомнить на продолжительное время то, что мы когда-то услышали или увидели, а еще сложнее – внятно и вразумительно описать увиденное. Многие свидетели видели одну часть сделки и слышали о другой, и уже потом перепутали, или не смогли понятно объяснить на словах, что они видели собственными глазами, а что слышали от других. Все свидетели склонны к преувеличениям – они раздувают или преуменьшают факты, о которых давали клятву.

Почти каждый день встречается такой тип свидетеля

— человек, ставший свидетелем какого-то происшествия несколько лет назад, узнавший, что его вызывают в суд. Он тотчас же пытается вспомнить свои первоначальные впечатления, и постепенно, общаясь с адвокатом, который будет вести его показания, он приукрашивает свой рассказ новыми деталями, которые он сам считает воспоминаниями (или ему помогают так считать), и, в конце концов, он приносит клятву, что воспоминания эти не что иное, как факты. Многие боятся, что, ответив «Я не знаю», они будут выглядеть невеждами. Хотя они абсолютно честны в своих намерениях, они склонны, вследствие этого, дополнять свой рассказ выдумками. И очень редкий свидетель не перемешивает, хотя бы в части своего рассказа, факты со своими личными убеждениями и выводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.